

А.В. Скиперских

ПОЛИТИЗАЦИЯ ГАРДЕРОБА: ОДЕЖДА БУНТУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА КАК ПОВЕРХНОСТЬ ПРОТЕСТА

Аннотация. Предметом исследования автора являются гардеробные предпочтения бунтующего человека. Субъекта протеста отличают не только склонность к политическому оппонированию и активная оппозиционная деятельность. Субъект протеста манифестирует своё право на альтернативное мнение в собственном гардеробе, который отличает, подчас, довольно неожиданное позиционирование и вызов общественному вкусу. В данной статье автор пытается обнаружить соотношение между протестной гражданской активностью конкретного субъекта и его гардеробными предпочтениями, маркирующими его в протестном политическом контексте. Субъект протеста, использующий одежду в качестве поверхности для нанесения протестного политического письма, создаёт тем самым протестный политический текст (одну из его разновидностей).

С точки зрения автора, оптимальным методом исследования стал метод политической герменевтики, представляющий собой искусство толкования политического текста.

Новизна данного исследования раскрывается в том, что тяготение человека к протесту может эстетизироваться в дискурсе гардероба, где склонный к эпатажу человек убедительно манифестирует свои страсти и эмоции. Одежда сама по себе является оптимальной поверхностью представления протестных политических сообщений, потому как принадлежит самому человеку. Именно субъект протеста и принимает на себя ответственность за их содержание. Приведённые примеры показывают вневременной характер эстетизации протеста, отмечавшегося во всех культурах, потому как во всех культурах власть и сопротивление представлены в целостном, диалектическом единстве.

Ключевые слова: власть, протест, поверхность протеста, политический текст, политическое письмо, политический дискурс, эстетика протеста, бунтующий человек, одежда, денди.

Abstract. The research subject is the preferences in clothes of a rebellious person. According to the author, a protesting person does not only tend to political opposition and active oppositional activity. Such a person also demonstrates his right to have an alternative opinion when choosing clothes and often challenges social standards. The author of the present article tries to find out whether there is a correlation between a protesting activity conducted by a citizen and his preferences in clothes. According to the author, clothes help such a person to demonstrate a protesting political writing and create a protesting political text. To the author's opinion, the best research method here is the method of political hermeneutics that allows to interpret political texts. The novelty of the research is caused by the fact that man's opposing tendencies can be demonstrated in his clothes. Clothes convey protesting political messages. The results of the analysis show that protests have been aestheticized at all times and in all cultures.

Key words: power, protest, exterior level of a protest, political text, political writing, political discourse, esthetics of a protest, rebellious person, clothes, dandy.

Бунтующий человек выделяется из социальной массы не только каким-то экспрессивным и вызывающим поведением, но и наличием определённых предпочтений в гардеробе. Как правило, они отличаются от тех тенденций, которые воспроизводит и потребляет массовая культура.

Гардероб человека, тяготеющего к протестному дискурсу, может изначально свидетельствовать о том, что человек обладает определённой степенью экономической свободы, что позволяет ему экспериментировать с достаточно дорогими гардеробными решениями. Бунтующий человек мо-

жет оказаться слишком чувствительным к форме собственного позиционирования, к эстетической составляющей. При этом, нужно учитывать и то обстоятельство, что бунтующий человек притягивает на производство смыслов, на их внедрение в публичное пространство. В этом смысле, одежда человек может выступать вполне актуальной протестной поверхностью, на которую будет наноситься послание. В одном из исследований, где проводилась классификация протестных поверхностей, мы уже выделяли такой актуальный тип протестной поверхности как человеческое тело [1]. Именно глядя на человеческую одежду, зачастую понимаешь, что человек является вполне характерным носителем специфических политических взглядов и у него, наверняка, уже может существовать специфическая протестная биография. И если эстетствующего интеллектуала Средневековья выделяла «беличья мантия» [2], то у его мятежного союзника, спустя несколько столетий, в эпоху постмодернизма существуют совершенно иные виды на гардероб.

Было бы слишком предвзято с нашей стороны присваивать бунтующему человеку излишнюю зависимость от модных тенденций и веяний. Необходимо понимать, что перед нами не стоит задачи отделить бунтующего либерала от всего остального мира. Бунтующий человек – человек крайностей, поэтому, его гардероб может быть как непритязателен и скромнен (в этом будет состоять вызов погоне за пестрой и излишне расцвеченной одеждой), либо, наоборот, он будет стремиться выглядеть максимально элегантно и рискованно в контексте прогнозируемых оценок массового мнения. Бунтующий человек может одеваться в духе *pret-a-porter*, как денди, бравируя своими гардеробными предпочтениями.

Вспомним строки из «Евгения Онегина» А. Пушкина:

*Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.*

Совершенно неслучайно, что современный дискурс «Онегина» расширен до марок стильной одежды, ресторанов и ночных клубов и т.д. В самом названии – подчёркнутый дендизм. Отсюда, и недоступность данных благ обычным людям.

И тот и другой выбор в гардеробе будут уже конфликтовать с массовым вкусом по причине своей необычности. Бунтующий человек сразу выделяется из толпы, за исключением только тех случаев, когда сопротивляющийся партизан нарочно примеряет маску обычного потребителя. И тот и другой выбор одинаково обращают на себя внимание, служа предметом зависти и злобы, поиска сходства и различия. И тот и другой выбор моментально получают оценку и комментируются, но только не одобряются большинством.

Вспомним, как в одном из стихотворений И. Бродский даёт рекомендации воображаемому путешественнику:

*Старайся не выделяться в профиль,
анфас – порой
Просто не мой лица. И когда пилот
Режут горло собаке, не морщась. Куря, гаси
Папиросу в плевке. Что до вещей, носи
Серое, цвета земли. В особенности – белье,
Чтобы уменьшить соблазн тебя
закопать в нее.*

(Иосиф Бродский. «Назидание»)

Путешествующий человек редко находит понимание у аборигенов, потому как представляет другой мир, другую культурную традицию. Особенно кстати предупреждение И. Бродского было бы для тех, кто собирается продвигаться вглубь азиатских степей.

Вообще, скрытая эстетическая претензия может выдавать человека путешественника, выглядящего необычно и где-то конфликтно. По внешнему виду человека, а также по его гардеробу можно предположить, в какую сторону он направляется. Люди, выбирающие западный формат путешествия, обычно, переживают дорожные хлопоты налегке, «с номером свежей газеты» [3, с. 169-170]. Наоборот, путешественники на Восток – сбиваются в кучи, их багаж огромен и может показаться, что даже и абсурден.

Что касается гардероба бунтарей, то он, как уже отмечалось, носит диалектический характер. Что-то среднее не вписывается в эстетическую картину бунтующего человека. Бунтующий человек редко склонен к компромиссам. Вспомним, как высказался однажды В. Высоцкий: «Я не люблю, когда наполовину».

Компромисс как раз выступает прерогативой большинства, неся с собой тоску и безделье.

ность для страждущего бунтаря, алкающего действия, страсти, эмоции.

Компромисс в одежде расцвечен либо «серым», либо «пёстрым». «Серость» и «пестрота» могут происходить из повседневной практики окружения индивида весьма специфическим товаром. Зачастую в сельских магазинах в России может присутствовать крайне ограниченный выбор одежды. На первый план выходит специфика места, поэтому в магазине могут продавать калоши, сапоги, рукавицы. Верхняя одежда покупается преимущественно в районном центре, но и там присутствует крайне ограниченный выбор товарной номенклатуры и размеров. Складывается ситуация, когда люди вынуждены покупать одно и то же. Предполагается, что на рынке можно удовлетворить даже самые высокие ожидания, связанные с той или иной деталью гардероба. Сознание большинства людей не работает в сравнивающем режиме. Люди подбирают себе гардероб, ориентируясь в большей степени на то, что они увидели, когда ехали с кем-то в автобусе или метро, ориентируясь на предпочтения соседей, коллег по работе. Гардероб бывает очень экономичен, и не требует каких-то серьёзных финансовых затрат.

Одежда людей, тяготеющих к протестному выражению, может выделяться нарочитой небрежностью. Но эта небрежность не есть следствие идиллической «обломовщины» – небрежность вовсе не означает поглощение бытом.

В студенческом протестном опыте В. Даля и Д. Языкова особым символическим значением наделялись старый халат и потёртые локти сюртука, выступавшие своеобразным «знаком студенчества» [4, с. 71]. Особая вольность в выборе гардеробного стиля как раз и намекает о существовании в студенчестве в определённые моменты истории достаточно высокого субъектного потенциала, что справедливо отмечается некоторыми авторами [5, с. 273].

По одежде, а также по её специфическим чертам и аксессуарам идентифицируют «своих». Это подтверждается существованием особого гардеробного стиля тех или иных субкультур. Некоторые детали гардероба моментально выдают в носителе некий протестный потенциал, будь то высокие шнурованные ботинки на тяжёлой подошве (различный цвет шнурков), или кожаные клёпаные куртки – «косухи» – неотъемлемый элемент гардероба рокеров. Использование определённой одежды и конкретных дизайнерских марок может

отличать как представителей различных радикальных молодёжных объединений, которые довольно сложно поддаются идентификации, а также и сообщество футбольных фанатов, которым тяжело предписать законопослушное и конформное поведение.

В рассматриваемом нами контексте именно одежда выступает оптимальной поверхностью протеста, концентрируя на себе протестный текст, связанный с демонстрацией национальной и этнической идентичности, а также многочисленных идентичностей субкультур. Зачастую можно увидеть примеры использования трафаретов, маркирующих владельца одежды определённой политической и этнической идентичностью. В настоящий момент в Интернет-пространстве существует огромное количество сервисов, специализирующихся на услугах создания протестной поверхности в одежде, и предлагающих аудитории одежду с трафаретами – куртки, футболки, толстовки, бейсболки и т.д. Количество и вариативность предложений Интернет увеличивается по мере появления новых политических поводов и резонансных политических событий.

Любопытно, что гардеробные пристрастия представителей радикальных молодёжных сообществ могут копировать вкус представителей высокой социальной страты, несмотря на значительную экономическую дистанцию между ними в доходах. Вот так и получается, что, например, «скинхеды», применяющие насильственные методы борьбы, выходцы из бедного рабочего класса, вполне осознанно адаптировали поло Fred Perry и Lacoste – брендов, придуманных для холеной аудитории Уимблдонского турнира: философия «хорошо выгляжу и плохо себя веду», которую они делят с частью футбольных фанатов, явно им по душе» [6].

Вместе с тем, это довольно дорогие бренды. В частности, поло Fred Perry на конец 2014 г. в специализированном Интернет-магазине предлагалось от 3950 руб. – до 5900 руб. [7].

Стоимость самого доступного поло Lacoste на конец 2014 г. составляла 4590 руб. Самого дорогого – 6490 руб. [8].

Безусловно, не все представители протестной молодёжи могут позволить себе запросто купить понравившуюся вещь данных брендов, не говоря уже о возможности переодеться во всю линию. Получается, что оптимальным решением становится подбор недорогой, но брендовой одежды в Second-Hand. Подобный диссонанс между собственными

экспектациями и возможностями (в контексте возможностей «в теме» по гардеробу) является сильным раздражителем для радикальной молодёжи, накапливающей протестный потенциал «до лучших времён».

По свидетельству одного информатора, «узнать человека «в теме» очень просто, ведь никто другой больше не носит таких вещей. Самое главное, конечно, ботинки. Чтобы соответствовать классическому стилю, нужно носить обувь марки Dr. Martens или Grinders. Джинсы – только Levi's 501. Клетчатая рубашка или поло Ben Sherman, Fred Perry. Обязательный аксессуар – подтяжки. Тонкие, не шире пальца. На голове – 3 мм волос. Если холодно, надеваем куртку Harrington или бомбер» [9].

Логика такого, на первый взгляд, категоричного выбора довольно проста. Одежда должна быть качественной и эргономичной. Если предположить, что носителю одежды приходится рисковать, то она (одежда) как раз и должна помогать поддерживать протестный статус тому, кто её использует. Человек должен в ней свободно двигаться и выражать свою активность. Одежда не должна быть обузой и сковывать тело. Она должна быть удобной для драк и потасовок.

Действительно, один вид одежды может автоматически говорить о принадлежности её владельца к протестному дискурсу. Скажем, когда мы видим человека в камуфляже, это сразу же намекает на дискурс войны. Действительно, а разве не выглядит воинственным гардероб тех, кто выбирает путь насильственного сопротивления? Например, воинственных амазонок.

В «Энеиде» Вергилия благочестивый Эней оказывается в государстве, которым правит карфагенская царица Дидона – предводительница странных женщин, носящих специфическую одежду, выдающую в них воинственность:

*Эй, юноши, мне вы скажите,
Может быть, видели вы сестёр моих?
Здесь они бродят,
Каждая носит колчан и одеты шкурой
пятнистой
Рыси; гонят они кабана свирепого с криком.*
(Вергилий. «Энеида»).

В определённые моменты и в зависимости от характера протеста могут актуализироваться и другие качества одежды. В Киеве 2013/2014 гг.,

когда происходили столкновения между активистами «Евромайдана» и бойцами «Беркута», протестантам рекомендовалось использовать тёплые, плотные вещи, термобельё и даже разрезанные туристические коврики-пенки, смягчающие действие резиновых пуль. Приходящим поддержать активистов на баррикады Крещатика и Майдана Независимости рекомендовалось использовать тёплые вещи и зимнюю обувь.

Протестная мода может предполагать обращение к национальным элементам в гардеробе, которые в силу ряда причин могут не быть популярны при действующей власти. Зачастую это может происходить в тех случаях, когда определённая культура пытается поглотить в себе другую культуру. Демонстрация различий здесь выходит на первый план. Национальная одежда и её элементы, как правило, используются вопреки существующим политическим трендам. Например, не подлежит сомнению протестный контекст использования украинских вышиванок выпускниками одной из школ в Севастополе на последнем звонке в 2014 г. [10].

В большинстве случаев ношение нестандартной одежды целиком и полностью отражает эстетические вкусы человека и органично встроено в его повседневность. Но, тем не менее, в практиках использования нетрадиционной одежды можно увидеть и заигрывание субъекта с тем или иным сообществом, где данная одежда является неотъемлемым идентификатором по принципу «свой – чужой». Большие возможности гардероба в маркировании коммуникации предоставляют неплохие возможности политическим популистам для имиджевых экспериментов и маскировок [11].

Используя в своём гардеробе нетрадиционную одежду, те или иные политики получают дополнительные шансы для собственной политической легитимации. В данный момент имидж политических клоунов их менее всего беспокоит, равно, как и попытки обратить их внимание на частый характер использования подобных политтехнологических решений [12, с. 86-88].

Говоря о дискурсе одежды в протестных практиках нельзя не упомянуть о джинсах, маркирующих потенциального протестанта. Действительно, а с какой это стати человек, вдруг, отказывается от классического строго костюма в пользу потёртого джинсового?

В частности, в романе В. Аксёнова «Остров Крым» джинсовая ткань является репрезента-

тивной тканью героев, ориентированных на сопротивление системе (власти), и намекающих на протестную биографию своих обладателей. Джинсы одинаково любят все Лучниковы – отец героя – «одетый как юноша: джинсы и кожаная куртка», сам герой, носящий «застиранный джинсовый пиджак, хотя и с часами «Роллекс» на запястье», и даже сын героя – Антон, надевающий «драные, разломаченные джинсы». Джинсы передаются как некий символ. Неслучайно Лучников – герой «Острова Крым» привозит джинсы в Москву, где их раздаривает по знакомым и друзьям [13].

Нередко протестные кондиции субъекта выражаются в его склонности к эпатажу через какую-то деталь гардероба. В частности, галстук Василия Аксёнова: «Я вспоминаю июньский вечер 1960 года. Новый костюм. С разрезом сзади, судари мои! Накрахмаленная рубашка и галстук-бабочка. Той весной почему-то узенькие галстуки-бабочки вошли по Москве в неслыханную моду» [14].

Известны воспоминания социолога Ольги Крыштановской о своих впечатлениях по поводу известной работы «Номенклатура» М. Восленского.

В 1981 г. «за рюмочкой «Бейлиза» О. Крыштановскую посвящает в сам факт существования данной книги её приятель – дипломат, блистающий своим заграничным гардеробом, в котором, конечно же, огромное значение имеют милые детали: «Он только что вернулся из загранкомандировки, по-заморски одетый, благоухающий ненашенскими запахами, полный МИДовского снобизма и иронии к «совку». У меня слегка кружилась голова: от чарующе-сладкого ликера, от французского одеколona, от невиданных доселе сигарет с ментолом, от той свободы, с которой приятель говорил о тайной стороне нашей жизни» [15, с. 6].

Нет сомнения в том, что западные ценности и культурные продукты для советского человека, тяготеющего к свободному выражению, могли обладать особой привлекательностью. Безусловно, советский режим не мог допустить массового увлечения западными ценностями, опасаясь их популяризации и активной рецепции. Красивая картинка западной жизни, к которой прорывается свободно-мыслящий и критически настроенный в отношении системы человек, оттеняла довольно однообразную и скучную реальность. В то же время, для советского режима было необходимо показывать «открытость» для Запада, во избежание различного рода мифологизаций и обвинений в репрессиях и притеснении свободомыслия.

По мнению некоторых авторов, именно с этим как раз и мог быть связан довольно быстрый взлёт молодых бунтарей – советских поэтов А. Вознесенского и Е. Евтушенко. По крайней мере, это вызвало вопросы среди западных интеллектуалов.

В частности, Д. Далос отмечает, что «положение их, даже в зените их бунтарства, характеризовалось своего рода полуофициальностью и неоднозначностью. Они довольно много ездили за границу, регулярно публиковали стихи, рассказывающие о таких впечатлениях, которые большинству читателей и не снились. Эти поэты постепенно становились статьёй литературного экспорта, «красной икрой советской культурной политики» [16, с. 199].

Конечно, в образе М. Восленского, представшего перед О. Крыштановской, может просматриваться потенциальный носитель демократических взглядов, расщепивший советскую бюрократию и делегитимировавший ценности и традиции КПСС. Есть ощущение определённой протестности в его лакированном, европейском имидже. Вместе с тем, кажется, что от присутствия в номенклатурной «обойме» собеседник О. Крыштановской всё равно получал удовольствие, потому как распространяющиеся на него привилегии открывали ему доступ к престижу и материальным благам. Кажется, что он наслаждается своим позиционированием, похожий на Юру Самохвалова, вернувшегося из заграничной командировки, в известном фильме «Служебный роман» Э. Рязанова.

В подобной эстетической модели собственно-го позиционирования есть и определённая претензия. Человек хочет выделяться. Он стремится использовать имеющиеся у него возможности, и вкус ему в этом помогает. Но, безусловно, не вся советская бюрократия могла быть такой. Но приведённый пример показывает, что и в структурах советской номенклатуры у некоторых её представителей наблюдались попытки преодоления некоторой одинаковости. Имевшиеся возможности выездов в страны Европы у определённой части номенклатуры использовались наиболее продвинутыми аппаратчиками для постепенного культурного дистанцирования от основной номенклатурной массы. Можно представить, как российским чиновничьим классом может переживаться негласный запрет на поездки в Европу в 2014/2015 гг. в связи со значительным обострением внешнеполитических проблем России. Российские чиновники периодически становятся фигурантами различных

разоблачений, свидетельствующих об их тяготе к европейскому образу жизни. Подтверждением ориентации на европейские ценности может быть и выбор образовательной модели для своего потомства. Дети многих российских чиновников, причём не только федерального, но и регионального уровня спокойно обучаются в престижных школах и университетах в Европе и США.

Если попытаться перенестись в период зимних протестов в России 2011/2012 гг., то и здесь можно увидеть попытку демонстрации собственной эстетической модели. Правда, она будет уже немного другой, нежели у советской «продвинутой» номенклатуры. Вовсе неслучайно в качестве субъекта данных митингов назывался «креативный класс».

В сети Интернет получили популярность видеоролики, где рядовые участники протестных митингов с удовольствием рассказывали, что на них было надето в данный момент, сколько это стоит и где это покупалось. Изнанка протестов была очень хорошо раскрыта посредством фотографий и видеоматериалов. «Болотный» протест, тем самым, ассоциировался с протестом обеспеченных москвичей, которых озадачивало не ущемление гражданских свобод, а стремление присутствия в тусовке равных.

Идея, которую пытается донести субъект бунта через поверхность протеста – одежду, предельно проста. Ему принципиально подчеркнуть свою отличность от масс, пусть не в интеллектуальном плане, но, хотя бы, через гардеробные отличия. И даже если у субъекта протеста нет возможности соревноваться в гардеробе с теми, кто свободно готов тратить средства на известные бренды, всегда выручит фантазия. Нужно учитывать и тот факт, что субъект протеста, выражающий свои чувства и желания в гардеробе, обычно несколько опережает время.

Реконструируя повседневную жизнь пермских стилистов в 1950-1960-х гг., А. Кимерлинг приводит любопытные примеры экспериментов молодёжи с расписыванием рубашек и перешиванием штанов. Оппозиционный характер подобных гардеробных пристрастий сложно подвергнуть сомнению, потому как «даже незначительный элемент западной моды мог быть разрушительным, ведь вместе с ним приходило сознание своей уникальности, и, в конечном счёте, потеря коллективной идентичности» [17, с. 235].

«Если бы ты видела, в каком виде он прилетел! – пишет мать Василия Аксёнова – Е.С. Гинзбург своей сестре в Ленинград. – На нём была рубашка

– ковбойка в цветную клетку, сверху какой-то совершенно немислимый пиджак тоже в клетку, но мелкую. Это балахон неимоверной ширины с «вислыми» плечами (он меня информировал, что это последний крик моды!)».

В своих автобиографических эссе сам писатель признавался, что не мог носить обычные вещи. В частности, известна тема тёплого пальто, возникающая в его переписке с родителями, которые, как всегда хотели, чтобы сын не замерзал зимой. В. Аксёнов при этом отвечал, что «это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший «котиковый» воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов» [14].

Можно предположить, что протест может выражаться даже через *отсутствие одежды*, а также через *умышленное её снятие*, либо *пренебрежение* ею. Снятая одежда может маркировать субъекта бунта. Сложно увидеть нормальность, скажем, в снимании с себя верхней одежды на холоде и в публичном пространстве. Эксперименты с раздеванием практически всегда несут в себе протестный смысл. Это может быть как стиль определённой социальной группы (футбольные фанаты), равно, как и определённая технология воздействия на власть и общественное мнение. Раздевание как форма давления на власть была технологизирована, и использовалось активистами молодёжного движения «Кмара» в Грузии в период «революции роз» в 2003 г.

Технология ненасильственного сопротивления «раздевание в знак протеста» была зафиксирована Д. Шарпом в его известном катехизисе ненасильственного действия «От диктатуры к демократии» [18, с. 100].

Раздевание может стать и определённым наказанием. Власть может раздеть индивида или целую группу людей, демонстрируя своё могущество. Вспомним, какой резонанс имели кадры с украинского «Евромайдана» зимой 2014 г., когда бойцы подразделения «Ягуар» на морозе раздели одного из активистов догола и позировали с ним в объективах камер. Эксперименты власти над телом бунтовщиков не заканчиваются унижением через раздевание. Дискурс власти проявляется в практиках одинаковой одежды бунтовщиков (тюремная роба, халаты в психиатрических лечебницах, одежда воспитанников интернатов и т.д.). Бунтовщикам

так указывают на их одинаковость, сознательно нивелируя различия между ними.

Подобные решения, безусловно, обладают визуализацией и, поэтому, бывают довольно эффективны. Таким образом, создаётся новая оппозиция, где сопротивление противостоит власти. Отсутствие одежды как таковой на субъекте протеста может быть красноречивым жестом, подчёркивающим различие в экономике сопротивления и власти. Аккакию Аккакиевичу Башмачкину из «Шинели» Н.В. Гоголя колоссальных трудов стоило пошить себе шинель, чтобы выглядеть адекватно обыкновенной чиновничьей массе. Бюджет обыч-

ного человека всегда с трудом вмещает в себя покупку зимней одежды – особенно в России.

Безусловно, можно приводить много примеров, когда субъект бунта демонстрирует себя через гардеробный, эстетизированный вызов. Если человек или группа людей склонны к выражению иной политической позиции, и если она не вписывается в существующий тренд, то, наверняка, отличительным маркером будет являться протестный текст, демонстрируемый ими в гардеробе.

Тяготение к эстетизации бунта имеет вневременной характер, отмечая протестные объективации вплоть до настоящего времени во всех культурах.

Список литературы:

1. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 108-113.
2. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.
3. Шлёгел К. Азия начинается на Силезском вокзале // Логос. 2002. № 3-4(34). С. 169-170.
4. Порудоминский В. Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.
5. Захаров С.М. Студенчество как политический актор: теоретические модели // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 272-279.
6. Сезина И. Скинхеды в России: особенности субкультурного кода и идентификаторы. (<http://www.nlobooks.ru/node/3302> [Дата обращения 24.10.2014]).
7. <http://brandshop.ru/mens-polos/> [Дата обращения 24.10.2014].
8. <http://shop.lacoste.ru/catalog/polo-i-futbolki-muzh/> [Дата обращения 24.10.2014].
9. Литой А., Тушкин А., Окунева Д. Фа?.. Антифа! // Антифа и наци стали главными игроками молодежной околополитики. (http://www.chaskor.ru/article/fa_antifa_3441 [Дата обращения 24.10.2014]).
10. Выпускники украинской гимназии в Севастополе пришли на последний звонок в вышиванках. (<http://sevastopolnews.info/2014/05/lenta/sobytiya/069221002/> [Дата обращения 24.10.2014]).
11. Аверин Ю.Г., Солохин В.А. Особенности формирования популизма в деятельности представительного органа государственной власти: теоретико-методологический анализ. // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 1. С. 71-84.
12. Скиперских А.В. Технологии политической легитимации. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 102 с.
13. Аксёнов В. Остров Крым. М.: Эксмо, 2012. 512 с.
14. Аксёнов В. Юность бальзаковского возраста. Вспоминания под гитару // Октябрь. 2013. № 8. (<http://magazines.russ.ru/october/2013/8/6a.html> [Дата обращения 23.10.2014]).
15. Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.
16. Далош Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и Исайя Берлин. История одной любви / Пер. с венгерского Ю. Гусева. М.: Текст, 2010. 221 с.
17. Кимерлинг А. Городские клоуны, или стильность по-советски // 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта / О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Чашухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг. Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2012. 248 с.
18. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.
19. Скиперских А.В. «Елецкие кружева»: проблемы легитимации власти в современной российской провинции // Социодинамика. 2014. № 6. С. 57-69. (DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12335. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12335.html).
20. Гуревич П.С. Последствия сексуальной революции // Психология и психотехника. 2012. № 12. С. 4-7.
21. Скиперских А.В. Homo Politicus: между бунтом и подчинением // Политика и общество. 2014. № 6. С. 682-688. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12285).

References (transliteration):

1. Skiperskikh A.V. Poverkhnosti protesta: osobennosti politicheskogo pis'ma v sovremennoi Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1. S. 108-113.

2. Le Goff Zh. *Intellektualy v Srednie veka* / Per. s fr. A.M. Rutkevicha. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003.
3. Shlegel' K. Aziya nachinaetsya na Silezskom vokzale // *Logos*. 2002. № 3-4(34). S. 169-170.
4. Porudominskii V. Dal'. M.: Molodaya gvardiya, 1971. 384 s.
5. Zakharov S.M. *Studenchestvo kak politicheskii aktor: teoreticheskie modeli* // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Gumanitarnye nauki. 2011. № 2. S. 272-279.
6. Sezina I. Skinkhedy v Rossii: osobennosti subkul'turnogo koda i identifikatory. (<http://www.nlobooks.ru/node/3302> [Data obrashcheniya 24.10.2014]).
7. <http://brandshop.ru/mens-polos/> [Data obrashcheniya 24.10.2014].
8. <http://shop.lacoste.ru/catalog/polo-i-futbolki-muzh/> [Data obrashcheniya 24.10.2014].
9. Litoi A., Tushkin A., Okuneva D. Fa?.. Antifa! // *Antifa i natsi stali glavnyimi igrokami molodezhnoi okolopolitiki*. (http://www.chaskor.ru/article/fa_antifa_3441 [Data obrashcheniya 24.10.2014]).
10. Vypuskniki ukrainskoi gimnazii v Sevastopole prishli na poslednii zvonok v vyshivankakh. (<http://sevastopolnews.info/2014/05/lenta/sobytiya/069221002/> [Data obrashcheniya 24.10.2014]).
11. Averin Yu.G., Solokhin V.A. *Osobennosti formirovaniya populizma v deyatelnosti predstavitel'nogo organa gosudarstvennoi vlasti: teoretiko-metodologicheskii analiz* // *Vestnik MGU*. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 1998. № 1. S. 71-84.
12. Skiperskikh A.V. *Tekhnologii politicheskoi legitimatsii*. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2005. 102 s.
13. Aksenov V. *Ostrov Krym*. M.: Eksmo, 2012. 512 s.
14. Aksenov V. Yunost' bal'zakovskogo vozrasta. Vspominaniya pod gitaru // *Oktyabr'*. 2013. № 8. (<http://magazines.russ.ru/october/2013/8/6a.html> [Data obrashcheniya 23.10.2014]).
15. Voslenskii M. *Nomenklatura*. M.: Zakharov, 2005. 640 s.
16. Dalosh D. *Gost' iz budushchego*. Anna Akhmatova i Isaiya Berlin. *Istoriya odnoi lyubvi* / Per. s vengerskogo Yu. Guseva. M.: Tekst, 2010. 221 s.
17. Kimerling A. *Gorodskie klouny, ili stil'nost' po-sovetski* // 1956: nezamechennyi termidor. *Ocherki provintsial'nogo byta* / O. Leibovich, A. Koldushko, V. Shabalin, S. Shevyrin, A. Chashchukhin, A. Bushmakov, A. Kazankov, A. Kimerling. Perm': Perm. gos. in-t iskusstva i kul'tury, 2012. 248 s.
18. Sharp D. *Ot diktatury k demokratii*. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2005. 224 s.
19. Skiperskikh A.V. «Eletskie kruzheva»: problemy legitimatsii vlasti v sovremennoi rossiiskoi provintsii // *Sotsiodinamika*. 2014. № 6. С. 57-69. (DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12335. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12335.html).
20. Gurevich P.S. *Posledstviya seksual'noi revolyutsii* // *Psikhologiya i psikhotehnika*. 2012. № 12. S. 4-7.
21. Skiperskikh A.V. *Homo Politicus: mezhdubuntom i podchineniem* // *Politika i obshchestvo*. 2014. № 6. S. 682-688. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.6.12285).